

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФЛЕКСИИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Э.Б. Сатцаев

Древнеиранская языковая эпоха охватывает период с VII–VI по IV–III вв. до н.э., среднеиранская – с IV–III вв. до н.э. по VIII–IX вв. н.э. Новоиранская языковая эпоха начинается с VIII–IX вв. н.э. и продолжается по наше время. К древнеиранским языкам относятся авестийский, древнеперсидский, мидийский и скифский. В число современных иранских входит и современный осетинский язык. Его непосредственным предком считается аланский. Ираноязычность аланов является научно установленным фактом. Отсутствие необходимого количества письменных источников, которые бы отражали состояние осетинского языка после древнеиранского периода, значительно усложняет возможности исследования его особенностей. Его отличительные черты принято считать влиянием кавказского субстрата. Осетинский считается одним из хорошо исследованных современных иранских языков. По свидетельствам древнегреческих и китайских источников, все древнеиранские языки были весьма близки, и носители их могли свободно понимать друг друга. Античные авторы сохранили для нас большое количество скифских слов. Научный анализ этих слов не оставляет сомнений в ираноязычности скифов. Принимая во внимание значительную близость скифского с другими древнеиранскими языками, можно предполагать и близость флексий этих языков. Процессы разобщения между иранскими языками начались с I тысячелетия до н.э. Осетинская флексия давно стала объектом исследования ученых, по мнению которых, надежная система осетинского языка восходит к древнеиранской, некоторые же надежи сформировались из собственных иранских элементов, прежде всего послелогов. В отличие от других иранских языков, осетинский язык сохранил ряд рефлексов древнеиранской системы склонений. Среди иранских языков наиболее сходное с осетинским склонение наблюдается в хотано-сакском, согдийском и хорезмийском языках среднеиранского периода. Надежная система кавказских языков, за исключением грузинского, значительно отличается от надежной системы осетинского.

Ключевые слова: иранские языки, скифский язык, аланский язык, осетинский язык, флективно-агглютинативная система, типы склонения, иранские элементы.

The ancient Iranian language epoch covers the period from the VII–VIth to the IV–IIIth centuries BC, the Middle Iranian from the IV–IIIrd centuries BC to the VIII–IXth centuries AD, while the New Iranian epoch begins from the VIII–IXth centuries AD and continues to our time. The ancient Iranian languages are Avestan, Ancient Persian, Median and Scythian. The modern Ossetian belongs to the modern Iranian languages. Alanian is considered its immediate ancestor. Considerable data enable to state Iranian nature of the language of the Alans. The lack of the necessary number of written sources that would reflect the state of the Ossetian language after the ancient Iranian period significantly complicates the investigation of its features. Its distinctive features are considered to be the influence of the Caucasian substrate. Ossetian is considered one of the well-studied modern Iranian languages. According to ancient Greek and Chinese sources, all ancient Iranian languages were very close creating no language barrier for speakers of them. Ancient authors fixed a large number of Scythian words. The scientific analysis of these words leaves little doubt about the Iranian ancestry of the Scythians. Bearing in mind the significant affinity of the Scythian with other ancient Iranian languages, it is possible to assert the proximity of the inflections of these languages. The processes of separation between the Iranian languages began from the Ist millennium BC. Ossetian inflections have for long been the object of research by scholars, according to whom a part of the case system of the Ossetian directly goes back to the ancient Iranian cases, while others were formed from their own Iranian elements, primarily postpositions. Unlike other Iranian languages, the Ossetian

retained a number of reflexes of the ancient Iranian system of declensions. Among the Iranian languages, the most similar to the Ossetian declension is observed in the Khotan-Saka, Sogdian and Khorezmian languages of the Middle Iranian period. The case system of the Caucasian languages, with the exception of Georgian, is significantly different from the case system of Ossetian.

Keywords: *Iranian languages, the Scythian language, the Alanian language, the Ossetian language, inflectional-agglutinative system, declension types, Iranian elements.*

Древнеиранским условно принято называть язык периода первых следов появления отличных от индоиранских диалектов и языков. Древнейшие следы существования иранских языков можно найти в исторической топонимике, в передаче соседними народами собственных имен и отдельных слов. Границами древнеиранского периода принято считать начало выделения иранских языков в самостоятельную языковую группу с VII–VI по IV–III вв. до н.э. Среднеиранская языковая эпоха охватывает период с IV–III вв. до н.э. по VIII–IX вв. н.э. Новоиранская языковая эпоха начинается с VIII–IX вв. н.э. и продолжается по наше время.

В соответствии с этой периодизацией выделяются иранские языки:

- 1) древнего периода (или древнеиранские);
- 2) среднего периода (или среднеиранские);
- 3) нового периода (или новоиранские).

К древнеиранским языкам относятся древнеперсидский, авестийский, мидийский и скифский. К среднеиранским – среднеперсидский, парфянский, согдийский, хорезмийский, бактрийский, хотано-сакский и аланский. Новоиранскими считаются все современные иранские языки [1, 27–29].

В число последних входит и современный осетинский язык. На нем говорит одноименный народ, который живет в центральной части Кавказа, по обеим сторонам Главного Кавказского хребта, который делит Осетию

на две части – Республику Северная Осетия-Алания, входящую в состав Российской Федерации, и независимое государство – Республику Южная Осетия. Часть осетин проживает в Грузии, Кабардино-Балкарии, на Ставрополье, в различных городах Российской Федерации и СНГ, а также в Турции.

Непосредственным предком осетинского языка считается аланский. На нем говорили племена, жившие на рубеже I–II тыс. на Северном Кавказе и в южной части России и Украины. Часть аланов обитала уже в то время и к югу от Главного Кавказского хребта, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки на территории Грузии и Азербайджана, а также другие сохранившиеся исторические источники.

Язык аланов дошел до нас в виде топонимов, антропонимов, отдельных фраз в сочинениях византийского автора Иоанна Цецца (XII в.), Зеленчукской надписи (X в.), а также лексических заимствований из аланского языка в венгерский (VIII в.) [2, 144–148].

Среди серьезных исследователей ираноязычность аланов не вызывает сомнения. Она установлена четко и окончательно. Однако в последние десятилетия появляются книги и статьи, где оспаривается ираноязычность всех аланов или их части. Эти утверждения следует считать ненаучными, так как до сих пор не существует ни одного обоснованного лингвистического доказательства неираноязычности аланов [1, 166–167].

Современное состояние осетинского языка – это результат сложных исторических процессов. Если все современные иранские языки развивались в условиях постоянного взаимовлияния, то осетинский на протяжении двух тысяч лет находился вне каких-либо прямых контактов с родственными иранскими языками. Вследствие этого он занял обособленное положение среди иранских языков и по многим характеристикам резко выделяется среди них. Отсутствие необходимого количества письменных источников, которые отражали бы состояние осетинского языка после Авесты, немало усложняет возможности исследования его особенностей.

Традиционно принято считать эти отличительные особенности влиянием кавказского субстрата [3, 109–122]. Однако до сих пор нет убедительных доказательств его наличия, во всяком случае на всех уровнях грамматики, и более глубокие исследования в области осетинского языка доказывают, что данный тезис сомнителен.

Ареальные взаимоотношения кавказских языков слабо изучены. Аналогии и совпадения в фонетических, фразеологических и других системах недостаточны для обоснования так называемого кавказского языкового союза. Более того, спорным остается сам вопрос о существовании кавказской языковой семьи. Сравнительные исторические исследования объективно затруднены из-за отсутствия у кавказских языков, за исключением грузинского, древнеписьменных традиций.

Наиболее характерной чертой автотонных языков Кавказа является наличие смычно-гортанных (абруптивов) согласных звуков. Эти звуки характерны также для осетинского, армянского и ряда других неавтотонных языков

кавказского региона [3, 518–529].

В осетинском языке их принято считать проявлением кавказского субстрата [3, 269–286]. Однако на основании аналогии в фонетических системах вывод о его наличии в осетинском сомнителен. Существование абруптивов отличает осетинский от родственных иранских и сближает его с неродственными кавказскими языками.

Следует заметить, что сам термин «субстрат» имеет спорную семантику, и часто трудно провести четкую грань между ним и заимствованием. Субстрат – совокупность черт языковой системы, не выводимых из внутренних законов развития данного языка и восходящих к распространенному ранее на этой территории. Субстрат, в отличие от заимствований, предполагает широкое этническое смешение и языковую ассимиляцию пришельцами коренного населения через стадию двуязычия.

На современном уровне исследования осетинского языка в плане его сравнительно-сопоставительного анализа с другими родственными живыми и мертвыми иранскими языками утверждение о наличии кавказского субстрата в осетинском языке является предметом полемики.

Численность осетин составляет 700 тысяч человек. Для десятков тысяч из них «родным» языком является русский, что свидетельствует об активной ассимиляции.

Осетинский язык делится на два основных диалекта: иронский (восточный) и дигорский (западный). По мнению большинства осетиноведов, с историко-лингвистической точки зрения дигорский более архаичен. Различия между диалектами не препятствуют взаимопониманию между их носителями. Говоры осетин, живущих в Южной Осетии, почти не отличаются от ирон-

ского диалекта, распространенного в Северной Осетии. Большинство осетин говорят на иронском диалекте, он лежит в основе литературного осетинского языка. Существуют литература, периодическая печать и на дигорском диалекте.

Предки современных осетин жили на территории Причерноморья и Кавказа с глубокой древности. Еще в конце XIX в. было доказано, что осетинский является прямым продолжением языка скифо-сарматских племен, кочевавших в древности в полосе южнорусских степей по берегам Черного, Азовского и Каспийского морей [1, 153–154]. В результате сложных исторических и этногенетических процессов он сохранился только на ограниченной территории в районе Центрального Кавказа.

Письменность на осетинском языке существует с конца XVIII в. Осетинский язык считается одним из хорошо исследованных современных иранских языков. Резко выделяющийся среди соседних неиндоевропейских языков на Кавказе, он рано привлек к себе внимание исследователей-лингвистов. Первые научные труды по нему появились еще в XIX в. [2, 309–314].

В исторические времена ираноязычные племена населяли значительную территорию. Несмотря на это, их языки и диалекты до конца I тысячелетия до н.э. сохраняли значительную степень первоначальной общности, унаследованной от древнеиранского языка-основы. Древнеперсидский настолько близок к языку Авесты, что их можно рассматривать как диалекты одного и того же языка. От скифского и мидийского сохранился крайне незначительный лексический материал. Но даже по нему можно понять, что и эти два языка были очень близки к древнеперсидскому и авестийскому. Можно пред-

полагать, что носители всех четырех названных древнеиранских языков могли понимать друг друга. Страбон (ок. 65 г. до н.э. – 21 г. н.э.) сохранил для нас свидетельство более древнего греческого автора – Эратосфена (ок. 276–194 гг. до н.э.), сообщающего, что жители Персии, Мидии, Бактрии и Согдианы «однозначны до малого», то есть «по существу одноязычны» [1, 138].

Осетинский наряду с ягнобским относится к северо-восточной подгруппе восточной группы иранских языков. К этой группе относятся также мертвые языки – скифский, аланский, согдийский и хорезмийский.

На скифском (сакском) в V–IV вв. до н.э. говорили ираноязычные народы, жившие от Северного Причерноморья до Алтая и Западного Китая. Персы называли их саками, в античных же источниках они известны как скифы. Персидское название относилось ко всем племенам, которых греки именовали скифами.

Европейские и азиатские скифы разговаривали на одном языке, на что указывают древние источники. Сходными также были хозяйственно-культурный уклад, тип вооружения, о чем свидетельствуют письменные и археологические источники [1, 141–144]. Изображения вооруженных саков часто встречаются на персепольских рельефах Ахеменидов. Античные источники указывают на то, что саки и персы во времена Ахеменидов разговаривали на близких языках и понимали друг друга без переводчиков [1, 142]. Прямым потомком скифского считается язык аланов, на базе которого сформировался современный осетинский язык.

Примерно в середине I тысячелетия до н.э., в эпоху существования древнеперсидского, мидийского, авестийского и скифского языков, различия между

ними были очень невелики. В ту эпоху эти языки еще очень недалеко отошли от общеиранского состояния, будучи по существу близкородственными диалектами общеиранского языка-основы. Но за два с половиной тысячелетия, отделяющие современные языки, к примеру, персидский от древнеперсидского и осетинский от скифского (древнеосетинского), в них произошли существенные изменения.

Подлинные памятники скифского языка не сохранились. Однако произведения античных авторов, греческие надписи Причерноморья и Приазовья донесли до нас большое количество скифских слов, большей частью названия скифо-сарматских племен, имена собственные, географические названия и т.д. Научный анализ этих слов не оставляет сомнения в ираноязычности скифов [4, 18]. И персы, и мидяне, и скифы причисляли себя к племенам арийского происхождения и говорили на диалектах иранского языка-основы.

Исходя из древних языковых источников, можно предположить, что историческая структура, в том числе и падежная система, скифского языка была достаточно близка к другим древнеиранским, в частности к авестийскому. Сам же он весьма близок к языку ведийского сборника «Ригведы», сложившегося в середине II тысячелетия до н.э. на территории Индии [1, 50–54].

Следовательно, предки индоязычных и ираноязычных племен говорили на близкородственных друг другу арийских диалектах.

В наиболее исследованном древнеиранском языке – авестийском – различают восемь падежей: именительный, винительный, родительный, отложительный, дательный, инструментальный, местный и звательный. Типы склонения, различающиеся падежными

окончаниями, дифференцируются в зависимости от исхода основы. Именное склонение характеризуется внешней и внутренней флексиями [5, 167].

В древнеперсидском языке различают семь падежей: именительный, звательный, винительный, родительный, отложительный, инструментальный и местный [5, 255]. Во многих текстах позднего периода наблюдается смешение падежей, очевидно, в этот период начался процесс разложения флексивной системы вообще.

Процессы разобщения между иранскими племенами начались с I тысячелетия до н.э. Наиболее оторванными от основного ираноязычного массива оказались скифские племена Южной Европы. Исторические судьбы племенных группировок складывались по-разному. Параллельно этому процессу постепенно развивались и различия в языке. Многочисленные иранские диалекты (языки) не выделились из древнеиранского языка-основы одновременно. Различные племенные диалекты отходили от общеиранского в разное время, на различных ступенях развития этого языка-основы.

Иранский языковой материал, дошедший до нас от последних веков до нашей и первых веков нашей эры, чрезвычайно беден. Однако есть все основания полагать, что именно в то время в морфологической структуре и фонетической системе иранских языков происходил ряд важных сдвигов, которые способствовали переходу к новой исторической фазе их развития – к среднеиранской языковой эпохе.

В среднеиранских языках трансформация падежной системы развивалась разными, но сходными путями. В среднеперсидском на ранней стадии существовала двухпадежная система склонения имен: прямой падеж с нуле-

вой флексией и косвенный с показателем -у, -ё. Однако очень быстро в этом языке падежная система полностью исчезла [6, 58]. Передача падежных отношений осуществлялась при помощи [6, 59–60]:

- 1) предлогов и послелогов;
- 2) порядковых слов;
- 3) изафетной конструкции.

В восточной группе иранских языков падежная система в данный период сохранилась в более архаичном виде.

В согдийском языке существовала шестипадежная система. В его поздних письменных документах наблюдается относительная модификация флексии. Падежные окончания сливаются, а количество падежей уменьшается [6, 429]. В современном новосогдийском (ягнобском) языке количество падежей сократилось до двух – прямого и косвенного [7, 662–664].

В хотано-сакском падежная система характеризуется продолжением древнего синкретизма родительного и дательного падежей, а не различием отложительного и творительного. Довольно отчетливо выделяется форма местного падежа. Шестипадежный строй, сравнительно близкий к древнеиранскому, виден лишь в наиболее регулярных раннехотанских текстах. В поздних хотанских памятниках наблюдается смещение различных окончаний, за которым можно видеть их редукцию или отпадение, что ведет к разрушению

склонений и формированию аналитических средств [6, 250–252].

В качестве примера в таблице 1 приводятся окончания склонений в согдийском и хотано-сакском языках.

В бактрийском языке выделяются две падежные формы имен – прямая и косвенная [6, 342].

В хорезмийском склонение существительных представлено в единственном числе тремя падежами: номинатив, генитив и аблатив. Падежные отношения в этом языке в значительной мере передаются предлогами и послелогами [8, 85–86].

В новоиранских языках категория падежа демонстрирует разные степени синтеза и анализа. В западноиранских количество падежей варьирует от четырех в белуджском до их отсутствия в персидском [8, 98; 9, 117–123].

В восточноиранских языках, за исключением осетинского, парадигма склонения существительных представлена или двумя падежами, или полной утратой склонения [8, 210–213; 11, 140–143].

Осетинский занимает особое место среди иранских языков. В частности, имеются различные мнения по поводу количества падежей. Некоторые исследователи различают девять (или десять) падежей [11, 87]. Видный ученый-осетиновед В.Ф. Миллер выделял десять падежей [4, 77]. Другой известный ученый, Х.А. Таказов, считает, что

Таблица 1.

Падежи	Согдийский	Хотано-сакский
именительный	-i	-a
винительный	-u	-u
родительно-дательный	-y	-i
отложительно-инструментальный	-ā	-ina (твор.-отл.)
местный	-yā	-ai
звательный	-a	-a

в осетинском языке восемь падежей [2, 333–334]. Есть также различные мнения и споры относительно значений некоторых падежей.

По мнению многих ученых-иранистов, осетинское склонение не является продолжением древнеиранского. С этим мнением не всегда можно согласиться. Несмотря на то, что хронологический период между древнеиранскими языками и современным осетинским составляет около 2500 лет, некоторые падежи являются прямым продолжением древних. Например, родительный падеж осетинского языка весьма близок к родительному падежу авестийского.

Падежная система осетинского языка давно стала объектом исследования ученых.

А.М. Шегрен в своей «Осетинской грамматике» насчитал восемь падежей: 1. именительный; 2. звательный; 3. винительный; 4. дательный; 5. родительный; 6. местный внутренний; 7. местный внешний; 8. отложительный [4, 77].

Глубокому анализу происхождения осетинских падежей подверг Миллер. По его мнению, «осетинские падежи частью, возможно, унаследованы от древности, большей частью, однако, вновь образованы» [4, 77]. Он считал, что под категорию падежа, то есть флективной формы, которая состоит из основы неразрывного с ней послелога, подпадают в осетинском еще две флективные формы – союзная и внешняя. Соответствующие формы в дигорском могут быть названы падежами с меньшим на то основанием, так как в них послелоги *bāl* 'на' и *xātcā* 'с' не присоединяются к основе и следуют за родительным падежом [11, 77–83].

По мнению Миллера, родительный падеж восходит к иранским суффиксам *-iya*, *-ia*, *-ya*, которые в древнепер-

сидском и авестийском употреблялись для образования относительных прилагательных. По его предположению, дательный падеж восходит к древнеиранскому дательному падежу, а отложительный падеж также мог возникнуть на основе древнеиранского. Другие падежи тоже, по его мнению, восходят к вариантам древних и нуждаются в глубоком исследовании.

Исходя из этого анализа осетинских флексий мы можем сделать заключение: 1) осетинский среди всех новоиранских языков наиболее богат снабжен падежными формами; 2) три из древнеиранских падежей (именительный, родительный, звательный) утратили в осетинском свои суффиксы; 3) иранский родительный на *-hya* в *a*-основе сохранился в осетинском отложительном и, возможно, также иранский местный на *-ya* – в осетинском местном внутреннем на *-i*; 4) два падежа – дательный и местный внешний – приобрели свои окончания из местного склонения; 5) два падежа – союзный и адессивный – в осетинском образованы вновь.

В древнеиранских языках типы склонения были весьма сложными. Падежные окончания различались в зависимости от основы. Выделялись три главных типа. При этом учитывался и род имен.

Склонение являлось флективно-агглютинативным. Значительная часть иранских языков не сохранила его.

Уже в древнеиранских языках встречаются случаи выражения одних и тех же значений различными падежными формами. Например, родительный, дательный и местный могут выражать значения общего падежа (*commodi*). Нечетко различаются функции родительного и отложительного (исходного). Одно из наиболее характерных смещений падежей в авестийском языке

– неразличение форм именительного и винительного.

Анализ текста Авесты показывает тенденцию к распаду флективной системы в древнеиранских документах. Такая же тенденция наблюдается в следующий период развития иранских языков.

Осетинский из собственных иранских элементов выработал новую систему падежных окончаний и новое склонение, приближающееся по своему типу к склонению в агглютинативных языках.

При этом, по мнению разных ученых, осетинский язык сохранил ряд падежей, восходящих к древнеиранским падежным формам. Миллер считал рефлексам древней системы именительный, винительный и звательный падежи, Абаев – именительный, родительный и, возможно, локатив, Н.Х. Кулаев – родительный и местный внутренние. Интересные этимологии осетинских падежных окончаний дает и известный ученый-иранист М.И. Исаев [2, 337-339].

Осетинская падежная система давно стала объектом научного исследования западных ученых, особенно в свете научных исследований древнеиндоевропейской падежной системы. Одними из последних трудов в этой тематике являются статьи Д. Вебера, посвященные исторической грамматике, в частности, падежной системе осетинского языка. По его мнению, она наиболее близка к падежной системе угро-финских и тюркских языков [Там же].

Крупнейший исследователь осетинского языка Абаев считал, что осетинское склонение сформировалось

под огромным влиянием кавказских языков. Падежная система кавказских языков, за исключением грузинского, значительно отличается как качественно, так и количественно от падежной системы осетинского, в то время как падежная система грузинского близка к осетинской. Однако в древнегрузинском были всего три падежа, по мере же развития грузинского языка их количество возросло до шести. Нам представляется, что этот рост в современном грузинском произошел под влиянием осетинского языка, а не наоборот.

Таким образом, в целом проведенное исследование подводит к следующим выводам:

1. осетинский язык среди иранских имеет наиболее богатую падежную систему;
2. осетинское склонение, подобно другим иранским языкам, не является прямым продолжением склонения древнеиранских языков;
3. осетинский язык выработал новую систему падежных окончаний;
4. осетинский язык сохранил при этом ряд рефлексов древнеиранской системы склонения;
5. тип склонения осетинского языка является агглютинативным, при этом наиболее схожее склонение наблюдается в тюркских языках;
6. среди иранских языков наиболее сходное с осетинским склонение наблюдается в хотано-сакском и частично в согдийском (мертвые языки среднеиранского периода) [12, 152–154];
7. в исследовании генезиса падежной системы осетинского языка наибольший вклад внес В.Ф. Миллер.

-
1. *Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию. М, 1988.
  2. *Камболов Т.Т.* Очерк истории осетинского языка. Владикавказ, 2006.
  3. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. 1.
  4. *Миллер В.Ф.* Язык осетин. М.-Л., 1962.
  5. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
  6. Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981.
  7. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа. М., 1987.
  8. Языки Азии и Африки. Индоевропейские языки: иранские языки, дардские языки. Дравидийские языки. М., 1978. Т. II.
  9. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982. Кн. 3.
  10. *Багаев Н.К.* Современный осетинский язык. Ч. 1. (Фонетика, морфология). Орджоникидзе, 1965.
  11. Грамматика осетинского языка. / Под ред. К.С. Ахвледиани. Орджоникидзе, 1963. Т. 1. Фонетика и морфология.
  12. *Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990.